

**Феномен культурологической информации:
теория, методология, практика**

УДК 008:304:801.73

В статье представлена концепция культурологической информации как продукта культурологического мышления и как научной категории. Автором предложены модели функционирования культурологической информации в пространстве социокультурных коммуникаций: производители текстов культуры — тексты культуры — потребители текстов культуры (личность — социальная группа — массовая общность — историческое общество). Тексты повседневной культуры рассматриваются как потенциальные источники культурологической информации. Автор отмечает культурологический потенциал классического наследия русской литературы.

Ключевые слова: культурологическое знание, культурологическая информация, социокультурные коммуникации, тексты культуры, повседневность, русская литература.

I. A. Mankevich. The Phenomenon of the Information Relevant for Cultural Research: Theory, Methodology, Practice

The article introduces the concept of the information relevant for cultural research as a product of cultural thinking and as a category of research. The author offers the models of functioning of the information relevant for cultural research within the framework of sociocultural communications: producers of texts of culture — texts of culture — consumers of texts of culture (the individual — the social group — the community — the historic society). Texts of everyday culture considered by the author as potential sources of of culturological information. The author notes the potential of cultural studies of the classical heritage of Russian literature.

Key words: knowledge gained from cultural research; information relevant for cultural research, sociocultural communications, texts of culture, everyday culture, Russian literature.

Активный рост межнаучных исследований, основанных на использовании методов смежных гуманитарных наук, актуализировал вопрос о культурологическом содержании текстов культуры различной семиотической и жанровой природы и необходимости изучения их как потенциальных источников культурологической информации. Последнее касается, в частности, богатейшего культурологического потенциала русской классической литературы, остающегося на сегодняшний день недостаточно востребованным в качестве источника культурологической информации о национальных моделях повседневного поведения и «жизнестроения» и генератора культурологического знания.

Для отечественного образования культурология — единственная область знания, способная заполнить пограничную зону между различными гуманитарными дисциплинами. Именно в ней скрещиваются и концентрируются потоки информации от всех других отраслей знания, формирующие, в свою очередь, культурологический вектор в исследованиях конкретных явлений различных культур. Межкультурные (межъязыковые, междисциплинарные, межнаучные) коммуникации внутри самой культурологии превращают ее в испытательный полигон для проверки самых экстравагантных научных гипотез относительно тех культурных феноменов, природу порождения и траекторию функционирования которых не может «вычислить» ни одна другая наука.

«Поэзия, философия и вообще все, что люди привыкли называть культурой, является обобщением — может быть, и обобществлением — чьих-то личных чувств. Внутри человеческой души чувства эти, однако, существуют в особой и загадочной форме. О ней можно догадываться лишь по делам культуры — по тому, что наносится кистью на полотно, рифмовано в стихах, звучит в молитвах, философских рассуждениях или политических речах... Ту же роль играют и тексты гуманитарной науки, столь же изменчивой, условной и непреодолимо субъективной» [25, с. 5]. А поскольку «культура всегда о себе что-то рассказывает», различные гуманитарные науки в силу специфики традиций, сложившихся внутри предметного поля каждой из них, интерпретируют тексты культуры по-своему. Философия культуры объясняет то, что «автор хотел сказать». Филология и искусствоведение — то, что «автор сумел сказать». А о том, что «автор сказал, сам того не желая», берет на себя смелость толковать культурология [3]. И хо-

тя по своей междисциплинарной природе культурология не следует единой системной методологии, она «не замутняет научные понятия и исторические контексты, а, наоборот, добавляет уровни саморефлексии» [2, с. 5].

Исходные дефиниции

Объективно формированию концепта *культурологическая информация* как категории социально-гуманитарного знания содействуют следующие факторы:

- активное вхождение в обиходный и научный лексикон второй половины XX в. понятия *информация* и последующее осмысление его как феномена культуры и общенаучной категории;
- развитие когнитивно-информационного подхода, основанного на синтезе достижений современной теории информации, наук о человеческом мышлении и теоретическом источниковедении;
- активизация междисциплинарных взаимодействий в научно-образовательной сфере и становление культурологии как специализированной системы знаний о культуре.

Родовое, по отношению к культурологической, понятие *информация* современная научная литература трактует как сведения и как сигналы, как количественную меру устранения неопределенности и как отражение разнообразия в объектах живой и неживой природы, как «инструментальное понятие информационного подхода, содержание и объем которого переменны и зависят от изучаемых коммуникационных и организационных явлений» [21, с. 247].

Известный российский исследователь, автор многочисленных трудов, посвященных проблемам информации и социальной коммуникации, профессор А. В. Соколов, проведя контент-анализ типичных контекстов, в которых используется слово «информация» пришел к выводу, что понятия и категории информации по своему содержанию делятся на пять групп: абстрактная фикция, элемент математической модели, создаваемой в процессе корректного информационного подхода (шенноновская трактовка информации); биологический сигнал или материальное «рабочее тело», передаваемое по каналам связи в техносфере (сигнальная трактовка информации); семантические явления — сведения, смыслы, знания (семантическая информация); метафорический оборот речи — результат некорректного информационного подхода (атрибутивная трактовка информации); мистический

фантом — «непременная субстанция живой материи, психики, сознания» [20, с. 111–112].

Весьма разнообразны и мало совместимы друг с другом и трактовки другого, родственного информации, понятия — *коммуникация*. Так, в научно-популярной литературе и СМИ наиболее распространенными являются такие его толкования, как общение, средства связи, информационный обмен, общественные связи и т. п. В справочно-энциклопедических изданиях коммуникация определяется как опосредованное и целесообразное взаимодействие между субъектами, предполагающее наличие как минимум трех звеньев: передающего субъекта, передаваемого объекта, принимающего субъекта. В зависимости от идеологических симпатий исследователей коммуникация зачастую выступает в союзе с близкими ему по духу, но, тем не менее, имеющими свои смысловые нюансы вариациями. Так, широкое распространение в гуманитарной литературе получил термин *межкультурная коммуникация*, трактуемый как «общение языковых личностей, принадлежащих различным лингвокультурным сообществам» [5, с. 10]. В культурологических изданиях приводится дефиниция *социокультурной коммуникации* как «процесса взаимодействия между субъектами социокультурной деятельности (индивидами, группами, организациями) с целью передачи или обмена информацией посредством принятых в данной культуре знаковых систем (языков), приемов и средств использования» [24, с. 277–278].

Коммуникация и информация являют собой, по сути дела, две стороны одной медали — *культуры*, что и позволяет рассматривать последнюю (как в целом, так и в многообразии ее видовых, локальных/частных форм) как информационно-коммуникационную систему. Сущность и взаимосвязь информации и коммуникации как феноменов культуры проявляются в процессе их социального функционирования. Как продукт интеллектуальной деятельности людей *информация* — идеальна, абстрактна. Она вообще не существует вне сознания познающего субъекта, однако неизбежно обнаруживает себя в лабиринтах *интеллектуальной коммуникации*, а та, в свою очередь, — в эффектах функционирования (распространения, взаимодействия, трансформации, восприятия оценки) смыслов-образов культуры, обретающих в процессе их освоения реципиентом статус информационного/коммуникационного сообщения/текста.

Информация — необходимая предпосылка формирования знания. *Знание* — результат обобществления индивидуальных образов и упорядоченная совокупность социализированных смыслов. При этом, с одной стороны, знание об исторических (биографических) событиях Большой и малых жизней вполне конкретно в своей предметности. С другой — чувственные образы и эмоциональные переживания, не поддаваясь вербализации, остаются за пределами знания. С третьей стороны, научное творчество, равно как и художественное, невозможно вне субъективности индивидуального опыта познающего субъекта. И, наконец, с четвертой стороны — масштаб поиска научной истины в той или иной степени ограничен методологической схемой и контекстом исследования. Закономерное следствие этого событийного четырехугольника — существование вечной проблемы понимания смыслов/текстов, иными словами, проблемы постижения чужой индивидуальности, в равной мере признаваемой как интуитивно чувствующими художниками, мыслящими образами изящной словесности — «Мысль изреченная есть ложь» (Ф. И. Тютчев), так и логически мыслящими учеными, оперирующими научными категориями — «...коммуникация двух разумных существ человеческого типа по сути своей есть обмен обманом» [19, с. 33].

Отмечу к слову, что культивируемое СМИ традиционное представление о культурологической информации как совокупности знаний, сведений, данных, сообщений о культурной жизни и деятельности общества, его групп, отдельных личностей, культур, учреждений и организаций, не отражает глубинную сущность исследуемого феномена. Не случайно в публикациях профессионалов-гуманитариев словосочетание *культурологическая информация* используется в контексте социально-культурного опыта, накопленного поколениями за определенный исторический период [26, с. 26–27].

С позиции *социальной/гуманитарной информатики* культурологическая информация может быть определена как научная (семантическая) информация о фактах культуры (события, явления, продукты, творцы и потребители культуры) и концепциях (идеях, теориях) в истории культуры, ориентированная на профессиональные группы потребителей (в отличие от массовой информации, адресуемой широкой непрофессиональной аудитории)» [22].

В приведенной дефиниции учтены два ключевых признака, идентифицирующих указанную разновидность научной информации, а

именно: *сфера деятельности* (научная деятельность в сфере культурологического знания) и *целевое назначение* информации, то есть ее адресата (профессиональная аудитория гуманитариев — потенциальные потребители и интерпретаторы текстов культуры как источников культурологической информации). С *позиции теоретической культурологии* культурологическая информация — продукт культурологического мышления, категория метода, метода культурологического прочтения/интерпретации текстов разной природы, включая литературные. Если, конечно, согласиться с тем, что есть такая сфера гуманитарного знания как культурология, и «есть такая партия» — культурологи.

Важно отметить, что потенциальными источниками культурологической информации являются любые социальные документы, независимо от своего происхождения и используемой знаковой системы. В общем случае к культурологической информации следует отнести те сведения об объектах/субъектах культуры, которые были выявлены, проанализированы и обобщены с позиции системного культурологического подхода. При этом в качестве источника культурологической информации текст культуры может быть рассмотрен только при условии вхождения его в отношения с другим текстом, ибо «...сознание нуждается в сознании, текст — в тексте, культура — в культуре» [13, с. 429].

Потенциально линия жизни текста культуры включает в себе различные срезы функционирования культурологической информации:

- *производители текстов культуры — тексты культуры;*
- *тексты культуры — тексты культуры;*
- *тексты культуры — потребители текстов культуры (личность — социальная группа — массовая общность — историческое общество...).*

Тексты культуры

Информационно-коммуникационный контекст исследования диктует необходимость ориентироваться на толкование слова «текст» как *текста культуры*, экстраполируя его в зависимости от конкретной исследовательской задачи и материала на следующие варианты:

- текст вербальный — устный, письменный, печатный — в совокупности составляющих его лексических фрагментов и бытующих внутри него мотивов, сюжетов, образов;
- текст невербальный — артефакты, модели поведения; при этом вербальные тексты культуры служат инструментом для анализа невербальных текстов;
- третье, весьма неоднозначное по своей сути толкование термина *текст*, восходит к методологии структурализма/постструктурализма, согласно которой текст есть дискурс, то есть речь или практика мышления.

Ключевые функции текста — передача сообщений, генерация новых смыслов и конденсация культурной памяти. «Текст обладает способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах... Сумма контекстов, в которых данный текст приобретает осмысленность и которые определенным образом как бы инкорпорированы в нем, может быть названа памятью текста. Это создаваемое текстом вокруг себя смысловое пространство вступает в определенные соотношения с культурной памятью (традицией), отложившейся в сознании аудитории. В результате текст вновь обретает семиотическую жизнь» [15, с. 162].

Клод Дюше, «рискуя быть тривиальным», в статье «К теории социоkritики...», под которой он понимает «способ чтения текста», дает следующий комментарий к соотношению понятий «текст» и «внетекст»: «В слове текст для нас не подразумевается никакой замкнутости; текст менее всего ограничен начинающей его заглавной буквой...или же завершающей его точкой. Природа данного предмета исследования меняется в зависимости от точки зрения (это может быть и отдельное произведение, и дискурсивная формация в смысле Мишеля Фуко), размеры его также переменны — от мельчайшей языковой единицы до более или менее определенного множества письменных сочинений. Любая область определяется своими границами — границы же текста подвижны. В случае романа, например, заголовок и первая и последняя фразы служат не более чем условными метками, отделяющими текст от внетекстуальной реальности. ...Итак, вокруг текста — некая зыбкая промежуточная зона, где и решается его судьба, определяются его условия коммуникации...» [6, с. 121].

Базисное представление о культуре как тексте «привело к рассмотрению культуры как взаимосвязи значений, к существенному

распространению методов интерпретации текста также на социальные действия и к признанию их зависимости от культурных представлений... В этой перспективе возникает идея приобщить к ансамблю “текстов культуры” также и *литературные тексты*¹, дабы читать их в рамках “поэтики культуры”..., раскрывая взаимодействия и своеобразные “состязания” (negotiations) этих текстов с другими дискурсивными практиками» [1, с. 32].

Поэтика культуры. Филологическая культурология

Коммуникационный ракурс исследования текстов культуры неизбежно выводит на осмысление проблемы их функционирования в контексте традиционной для филологического знания категории *поэтика*. В историческом времени поэтика не раз меняла очертания своих природных владений, то суживаясь до пределов свода поэтических правил, то расширяясь до границ истории литературы и эстетики. В условиях стремительной культурологизации гуманитарного знания и тотальной текстуализации реалий повседневной жизни термин «поэтика» по сути дела обрел статус общенаучной категории, ибо поэтика — больше чем контекст, в котором бытуют и изучаются литературные тексты. Сама история культуры «фокусирует в себе многочисленные аспекты поэтики», которые «находятся в столь тесных отношениях, что приближаются к синтезу, а именно в нем наиболее полно раскрываются смысл и форма текстов, их отношения между собой» [23, с. 5].

Литературоцентристское прошлое России, явившее миру непревзойденные шедевры литературной культуры, по сей день питающие интеллектуальный фундамент национального самосознания, дает богатейший материал для плодотворного взаимодействия филологического и культурологического знаний. Одним из перспективных направлений, именуемого гуманитариями в зависимости от идеологических пристрастий его приверженцев как *филологическая культурология* или *культурологическая филология*, в рамках которого содружество этих наук могло бы дать позитивные результаты в научной и образовательной практике, является проблема функционирования текстов повседневности внелитературной и литературной реальности в пространстве социальных коммуникаций.

¹ Здесь и далее курсив в цитатах мой. — И. М.

В силу литературоцентричности русской культуры отечественная филология более других оказалась предрасположена к освоению культурологического подхода. Отсюда и специфичность русской филологической школы, питавшейся «соками» разнородных, но взаимодействующих научных идей, на пересечении которых рождались труды М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова. Тем более что принципиальных противоречий между культурологическими и литературоведческими изысканиями нет, поскольку с одной стороны, «литературовед не всегда имеет в виду концепцию литературного объекта, которую должен отвергнуть культуролог» [8, с. 54], а с другой — сама культурология изначально в своем развитии опиралась на технику литературоведческого анализа применительно к нелитературным объектам культуры. При этом культурные артефакты рассматриваются культурологией «как “тексты”, которые подлежат прочтению, а не простому учету» [8, с. 54]. И если литературоведы предпочитают руководствоваться оценочными методами, то культурология использует симптоматический анализ культурных объектов. И хотя оба метода вполне применимы как к литературным, так и нелитературным текстам культуры, «тем не менее, внимательное чтение нехудожественных текстов не предполагает их эстетической оценки, а упор на “культурную репрезентативность” литературного произведения подразумевает, что мы оцениваем этот текст в первую очередь как *документ эпохи*» [8, с. 62].

Культурологическое источниковедение

Вся историческая биография русской литературы свидетельствует о постоянном ее стремлении вырваться за пределы своего природного художественно-эстетического и поэтического пространства и стать «больше, чем литература». О причинах последнего применительно к гениям русской литературы рассуждал В. Пьецух: «Как посмотришь из нашего угрюмого далека да сообразишься с каверзной правдой жизнью, так и выходит, что задумывали они одно, а на поверку получилось совсем другое. Тут одно из двух: либо создание отчего-то бывает много самовитее, независимей от создателя, либо бунт персонажей вообще в правилах нашей словесности» [18, с. 97].

Впервые вопрос о специфике функционирования художественного образа в пространстве культуры был поставлен в работе академика М. В. Нечкиной «Функция художественного образа в историческом

процессе», отметившей, в частности, следующее: «Тема, избранная мною, расположена на границе двух наук — литературоведения и истории. Для ее постановки нужны не только опорные данные, почерпнутые из обеих наук. ...Их, оказывается, недостаточно для решения вопроса. Как всегда, пограничный характер проблемы требует еще чего-то “третьего”, порождаемого самой новизной предмета» [17, с. 61–63]. Этим «третьим», по всей видимости, и должен был бы стать системный культурологический метод, позволяющий осмыслить движение художественного смысла/образа/текста в пространстве социокультурных коммуникаций, как в синхроническом, так и диахроническом ракурсе.

Особую роль в культурологическом источниковедении второй половины XX в. сыграл информационно-семиотический подход, представленный в трудах Ю. М. Лотмана и его последователей. В свете семиотического подхода снимается тезис о механическом отражении реальности в тексте. Семиотик культуры рассматривает текст как объект реального мира, как феномен культуры, формирующий идеи и представления людей. Таким образом, речь идет о функционировании текста в контексте, о функции художественного образа в пространстве социокультурных коммуникаций. Семиотический подход апеллирует к внутренней точке зрения писателя, его героев и читательской аудитории. Последнее обстоятельство способствует реконструкции моделей ценностных ориентаций всех названных субъектов в контексте культурных образцов своего времени независимо от того, имеет ли исследователь дело с высокой литературой или продуктом массового потребления. «С этой точки зрения малохудожественные, популярные произведения литературы представляют исключительно ценный источниковый материал для исследователя», являя собой свидетельство «*широкой адаптации идей, превращения их в предмет “массового потребления”*» [16, с. 4]. При этом самое искусство слова становится «*особым способом узнавания*» [4, с. 25].

Новая веха в эволюции источниковедческого образа художественной литературы связана с постструктуралистскими идеями прочтения текстов культуры. Введение Ю. Кристевой и Р. Бартом в широкий научный оборот понятия *интертекстуальность* по существу лишило литературный текст — «мозаику цитаций», «бессознательных и автоматических» — как реальных, так и виртуальных границ. Отрицая волю автора и утверждая свою, читательскую, постструктурализм

разоблачил претензии языка на истинность в виду «иллюзорного характера любого высказывания». Так, *текст-письмо*, трансформируясь в *текст-чтение*, приобрел бесчисленное число вариаций, зависящих от вкусовых ассоциаций и тезауруса *читающего* [7, с. 4].

Постмодернистские тенденции в развитии мировой культуры XX в., повлекшие за собой кардинальный сдвиг в методологии гуманитарного знания, привели к осознанию непреодолимости извечного барьера в любых системах социальных коммуникаций, коим является человеческая субъективность. Обращение европейских гуманитариев нового поколения к культурно-антропологическому, социально-психологическому, лингвистическому измерению прошлого активизировало стремление отечественных историков к новому герменевтическому прочтению исторических текстов. Актуализация опыта французской школы «Анналов», ориентирующего на изучение исторической эпохи как истории ментальностей, стимулировала активное проникновение в отечественную науку методов психологической реконструкции субъективных моделей бытия — поведения, мышления, чувствований замечательных и незамечательных творцов истории. Вживание исследователя во внутренний мир создателей текстов истории способствовало, в свою очередь, формированию нового методологического кругозора в отношении источниковой базы исторических исследований и пересмотру исторически сложившегося в среде ученых пренебрежения информационным потенциалом субъективных продуктов художественного творчества. Анализ работ, посвященных источниковедческому потенциалу как собственно исторических, так и литературно-художественных текстов, позволяет сделать вывод о том, что представители различных гуманитарных дисциплин сближаются в оценке их информационного потенциала с культурологическим подходом¹.

В методологическом плане одним из самых сложных аспектов исследования информационного потенциала художественного текста как носителя культурологической информации становится проблема соотношения в его пространстве художественной и научной информации. Магия художественного образа программирует на эмоциональное восприятие литературного образа (деятельность чувств) и на

¹ Подробнее см.: Манкевич И. А. Литературно-художественное наследие как источник культурологической информации // Обсерватория культуры. 2007. № 5. С. 17–23.

оперирование эстетическими категориями ценности. Задачи научного познания ориентируют на логико-интеллектуальное понимание текста (деятельность мысли) и описание его посредством семантических категорий. Существование потенциально невербализуемых смыслов — причина объективно существующего противоречия между *логикой чувств* (чувственное познание смысла, данного в ощущениях) и *логикой ума* (логическое познание смысла, воплощенного в знаковой форме).

Есть и другой аспект этой проблемы. Так, с позиции постструктуралистской теории, «язык, вне зависимости от сферы своего применения, неизбежно художественен, т. е. всегда функционирует по законам риторики и метафоры...» [7, с. 4]. Отсюда следует вывод, что и само мышление человека художественно (естественно, человека образованного, обладающего соответствующим уровнем литературной культуры), «и любое научное знание существует не в виде строго логического изложения-исследования своего предмета, а в виде полуили целиком художественного произведения...», художественность которого может не ощущаться, не осознаваться, «но которая только одна и придает законченность знанию» [7, с. 4]. В идеале задача культурологического познания литературного текста требует от исследователя «равного умения охватить предмет мыслью и уловить чувством то, что еще не поддается мысли» [4, с. 6]. Именно благодаря взаимодействию логического и внелогического внутри системы культуры рождаются новые смыслы культуры, новая культурологическая информация.

В каждом литературном произведении неизбежно, по воле автора или вопреки ей, отражаются картинки из жизни эпохи. В этой связи художественную литературу можно рассматривать как носителя и источник объективной информации о внелитературной реальности. Однако реальная действительность, получившая отражение в литературном произведении, еще не отражает всех граней и уровней его информационного пространства. Информационный потенциал литературного текста оказывается в разной степени зависимым и от реалий повседневной жизни эпохи, и от реалий повседневной жизни самого автора, и его потенциальной читательской аудитории. При этом для культуролога, в отличие от источниковедческих предпочтений историка, любой художественный текст независимо от времени его создания, а также авторской, мировоззренческой или жанровой принад-

лежности, потенциально информативен. Ибо междисциплинарное русло культурологического знания ориентировано не на поиск исторических истин и доказательств их достоверности, а на выявление фактов культуры и их культурологическую интерпретацию. Информация, заложенная автором в художественном произведении, гораздо обширнее, чем собственно его текст, что и обнаруживается в процессе межкультурной коммуникации как *диалога сознаний* и порождаемых ими текстов, принадлежащих разным культурам.

Литературно-художественный текст незримо вбирает в себя тот ментальный срез бытия человеческого, который, ускользая от вербализации, не способен быть зафиксированным ни одним историческим источником. В этом отношении произведения мировой классической литературы, чье текстовое пространство соткано из смыслов-образов разных культурных пластов, времен и народов, можно рассматривать как *романы культуры*, или как ее *гипертексты*. Эти тексты, понятные для образованного читателя своего времени, для читателя иных поколений превращаются в *архивированный файл*, хранящий мегабайты культурных смыслов, скрытых между строк в авторских ассоциациях, аллюзиях и аллегориях, равно как и в идеологических наслоениях, сопровождавших их *другую жизнь* в последующие эпохи. В руках исследователя художественный текст оказывается способным объективировать следы ментальности и пассионарности своей эпохи, благодаря чему он становится ключом к пониманию культурного бессознательного.

Литературный текст, прочитанный на языке литературной культуры его производителя и/или потребителя в контексте избранной исследователем коммуникационной ситуации, обретает статус источника культурологической информации. При этом предметом культурологического анализа становятся информационно-коммуникационные (знаковые, символические) функции художественных образов, увиденные/прочитанные в контексте мысленной интеграции макро- и микроанализа литературного текста как феномена культуры.

Повседневность — литература — повседневность

Мир повседневности соткан необозримым множеством крохотных мгновений «каждодневной реальности» [14, с. 10]. В этом мире пересекаются линии жизни культур самых разных жанров — бытовых и профессиональных, частных и публичных. И те, и другие функ-

ционируют во взаимодействии (сближении, проникновении, отторжении) с такими условно внеповседневными сферами бытия, как религия и вера, политика и экономика, наука и искусство, досуг и праздник. Глобальные изменения в традиционной системе отечественного гуманитарного знания, произошедшие на рубеже XX–XXI вв., стимулировали интерес к культурологическим методам освоения феномена *повседневность* и переключение внимания гуманитариев на предметы, ранее считавшиеся маргинальными (частная жизнь, тело, мир чувств). Многомерность повседневной жизни и многообразие культурных форм, ее репрезентирующих, делают повседневность идеальным объектом для культурологических интерпретаций.

В подходе Ю. М. Лотмана к поэтике бытового поведения в русской дворянской культуре XVIII–XIX вв. были заложены, как минимум, два магистральных вектора движения текстов культуры. С одной стороны, исследовалась «технология» *литературного отбора моделей внелитературной жизни*, с другой — «технология» *внелитературного отбора литературных моделей жизнестроения*. Ибо самое искусство есть модель, «которой жизнь подражает» [14, с. 183]. Интересно в этой связи мнение Ирины Прохоровой, полагающей, что «идея текста как базовой конструкции в подходе Лотмана более продуктивна для исследования современной культуры, нежели культуры XVIII и XIX веков, как раз именно в плане ее поэтики, которая складывается из самого разного набора образцов, в том числе и литературных» [10, с. 119–120].

Как отмечал Д. С. Лихачев, у литературы есть своя биосфера — это окружающая ее действительность. «Литература строится из “вещества”, захваченного ею в окружающей действительности» [11, с. 50]. Обладая способностью к саморегулированию, литературное произведение «служит не только действительности и самому себе, но поддерживает рождение других произведений». Внешним источником энергии в литературе, поддерживающий ее энергетический потенциал как искусства, является талант творца, личности художника. Возникая из вседневной ауры, литературные тексты вбирают в себя осколки неофициальной картины мира, являя собой духовный опыт повседневного переживания времени их авторами и потенциальной читательской аудиторией. Попадая в пространство литературной культуры, тексты повседневности аккумулируют и преобразуют в себе пассионарность соответствующей среды обитания, будь то литера-

турная повседневность исторического общества, социальной группы, массовой общности или самого творца литературного текста. Оказавшись на воле и уже не принадлежа своему создателю, тексты литературной повседневности испытывают на себе влияние токов повседневной жизни обывателя. Дальнейшая судьба литературных образцов повседневности зависит от потенциальных потребностей и способностей субъектов СК разного статуса и уровня литературной культуры к преобразению виртуальной повседневности в реальную. Вовлекаясь в поток движущихся и взаимодействующих смыслов культуры, литературные тексты «многообразно и многообразно» (Д. С. Лихачев) отражают своим бытием их взаимоотношения с социальным пространством и временем, породившими или «усыновившими» их. «Перестав быть образцом, литературная цитата или отсылка сама вступает в цепь преобразений, в цепь трансформаций — в жернова социального механизма», отмечает Б. Дубин [10, с. 120].

Тексты *внелитературной повседневности*, будучи осмысленными на уровне художественного сознания, трансформируются в тексты *литературной повседневности*, под которой понимаются и реалии повседневной жизни, воплощенные в литературно-художественных образах, и повседневность литературных персонажей. Другое значение термина «литературная повседневность» связано с *профессиональной повседневностью субъектов литературных коммуникаций* (писатель, издатель, критик, др.). В определенном контексте можно говорить и о пространстве *окололитературной повседневности*, если иметь в виду, что образцы, формируемые литературной культурой, входят в повседневную жизнь социума не только путем их прямых заимствований человеком читающим, но и путем опосредованных влияний на человека не читающего, или читающего иные тексты. Как отмечает Ирина Прохорова, «реклама, телевидение и кино демонстрируют нам важнейшую роль текста, хотя бы в нынешнем буме экранизаций. Литература именно сейчас становится невероятно мощным ресурсом моделей, источником метафор, и если мы посмотрим на огромное количество рекламной продукции, то увидим, что она вся апеллирует скорее к литературным ассоциациям, книгам, системам имен, которые так или иначе связаны с базовыми текстами литературной классики» [10, с. 120].

Поэтика взаимодействия семантических пространств *повседневность — литература — повседневность* заключается в их потенци-

альной способности быть друг для друга *смысло-текстопорождающей средой*, в пределах которой явственно вырисовываются *типовые модели* движения смыслов культуры:

- повседневность — литература: перенос писателем сюжетов из реальной повседневной жизни в литературные сюжеты и образы; трансформация текстов внелитературной повседневности в тексты литературной повседневности;

- повседневность в литературном произведении: тексты литературной повседневности; повседневные коммуникации в пределах текстового пространства литературного произведения (пространство литературных повседневных коммуникаций; литературный герой — литературный герой);

- внутрилитературная повседневность: повседневность в профессиональной литературной среде, литературный быт (пространство литературных повседневных коммуникаций; писатели — писатели);

- литература — околολитературная повседневность: функционирование моделей повседневного поведения писателя и/или литературного героя в непрофессиональной читательской среде (пространство литературных повседневных коммуникаций; писатели — текст — читатели);

- литература — внелитературная повседневность: функционирование моделей поведения писателя и/или литературного героя во внелитературном пространстве повседневных коммуникаций; освоение социальной группой и/или массовой общностью заимствованных образцов повседневной культуры (писатель — текст — социальная группа — массовая общность);

- повседневность — повседневность/литература: порождение и функционирование новых моделей поведения в пространстве повседневных и /или литературных коммуникаций; эволюция функционального статуса текстов повседневности (вещь — знак — символ); эволюция знаковых и символических функций литературных моделей повседневных коммуникаций во внелитературном пространстве (историческое общество — историческое общество).

Перечисленные модели повседневных/литературных коммуникаций, давая представление о векторах взаимодействия семантических пространств повседневной и литературной культур, в свою очередь, могут служить основой для коммуникационного анализа текстов по-

вседневности различных жанров с учетом специфики того культурного среза повседневной жизни, который они репрезентируют¹.

Послесловие

Концептуализация проблемного поля «культурологическая информация», безусловно, способствует обогащению понятийно-категориального аппарата культурологии за счет актуализации ее собственных лингвистических ресурсов. Иными словами — за счет семантической силы культурологического лексикона, приумножаемой самим процессом концептуализации культурологии как метода познания/мышления — а не путем механического заимствования, переориентации и переинтерпретации научного словаря сопредельных ей областей старшего поколения.

Сегодня в условиях масштабной смены ценностных ориентаций многие реалии и смыслы российской повседневности, отраженные в классическом репертуаре отечественной литературы, неизбежно исчезают с горизонта восприятия срединного читателя. Свою лепту в парадигмальный кризис гуманитарной культуры добавляет и молодое поколение *нечитателей*, стойко предпочитающих прогулки по интернет-чатам поклонению высокой литературе. Современные сценические и киноинтерпретации классических произведений зачастую усиливают разрыв поколений, создавая ложные представления о культуре ушедших эпох. В этой связи актуализация культурологического потенциала русской словесности как этического и образно-эмоционального компонента национального наследия и «хранилища высших смыслов отечественной культуры» [9, с. 14], представляется не только перспективной сферой познания повседневной жизни как таковой, но и действенной стратегией самопознания человека.

1. Бахманн-Медик Д. Режимы текстуальности в литературоведении и культурологии: вызовы, границы, перспективы // Новое литературное обозрение. 2011. № 107. С. 32–48.

¹ См. например: Манкевич И. А. «Литературные одежды» как текст: мотив, сюжет, функция // Сюжетология и сюжетография. 2013. № 2. С. 12–17; Манкевич И. А. Поэтика костюма в пространстве литературных коммуникаций // Обсерватория культуры. 2008. № 3. С. 98–104.

2. Бойм С. Общие места = Common places: мифология повседневной жизни. М. : Новое литературное обозрение, 2002.
3. Вавилон культур [Электронный ресурс] / Министерство культуры РФ, Российский институт культурологии. М., 2008. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
4. Гаспаров М. Л. Диалектика Лотмана // Ким Су Кван. Основные аспекты творческой эволюции Ю. М. Лотмана. М. : Новое литературное обозрение, 2003. С. 5–10.
5. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : Гнозис, 2003.
6. Дюше К. К теории социокритики, или Вариации вокруг одного зачина // Новое литературное обозрение. 1995. № 13. С. 120–132.
7. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М. : Интрада, 1996.
8. Каллер Д. Теория литературы: краткое введение. М. : Астрель : АСТ, 2006.
9. Кантор В. К. Русская классика, или Бытие России. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЕН), 2005.
10. Культурные коды, социальные стратегии и литературные сценарии. «Круглый стол» журнала «Новое лит. обозрение» // Новое литературное обозрение. 2006. № 82. С. 93–121.
11. Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб. : СПбГУП, 2006.
12. Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература. Л. : Советский писатель, 1981.
13. Лотман Ю. М. Текст в тексте // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб. : Искусство-СПб., 1998. С. 423–436.
14. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX вв.). СПб. : Искусство-СПб., 1994.
15. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб., 2000. С. 150–390.
16. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX в. как предмет семиотического анализа. М. : Новое литературное обозрение, 1999.
17. Нечкина М. Функция художественного образа в историческом процессе // Содружество наук и тайны творчества. М. : Искусство, 1968. С. 61–98.
18. Пьецух В. Русская тема. О нашей жизни и литературе М. : Глобулус, Изд-во НЦ ЭНАС, 2005.
19. Секацкий А. К. Онтология лжи. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000.
20. Соколов А. В. Информационное общество в виртуальной и социальной реальности. СПб. : Алетейя, 2013.
21. Соколов А. В. Метатеория социальной коммуникации. СПб. : Рос. нац. б-ка, 2001.

22. Соколов А. В., Манкевич А. И. Информатика в перспективе (к вопросу о классификации видов информации в системе наук коммуникационного цикла // Науч.-техн. информ. Сер. 2. Информ. процессы и системы. М., 1971. № 10. С. 5–9.
23. Софронова Л. А. Культура сквозь призму поэтики. М. : Яз. слав. культуры, 2006.
24. Флиер А. Я. Культурология для культурологов : учеб. пособие. М. : Согласие, 2010.
25. Эткинд А. Содом и Психея: очерки интеллект. истории Серебряного века. М.: ИЦ-Гарант, 1996.
26. Якимович А. Генрих Вельфлин и другие // Вельфлин Г. Ренессанс и барокко. СПб., 2004. С. 9–47.

И. В. Сохань

Гастрономические практики власти — прошлое и настоящее¹

УДК 130.2

В статье рассматриваются гастрономические практики власти, их архаические истоки и современные трансформации. Власть устанавливает гастрономический режим, который является инструментом эффективного управления. Голод и идеология всегда давали возможность управлять насильственным способом. Сытость, изобилие и связанная с ними идеология удовольствия являются способом мягкого дисциплинирования сегодня. Власть кардинально изменила свой гастрономический порядок.

Ключевые слова: гастрономическая культура, власть, пища, фастфуд.

I. V. Sokhan. Gastronomic practices of power — past and present

The article analyzes gastronomic practices of power and their archaic origins and modern transformations. Power sets gastronomic regime, which is an instrument of the effective management. Hunger and ideology always gave the opportunity to manage by the violent way. Satiety and abundance, and

© Сохань И. В., 2014

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 12-01-0001, выполненного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг.